

На правах рукописи

СИМАЧКОВА Наталья Николаевна

**СТАНОВЛЕНИЕ ВОЕВОДСКОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В
СИБИРИ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII вв.**

07.00.02 - отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой
степени кандидата исторических наук**

Тюмень 2002

Работа выполнена в Нижневартовском государственном педагогическом институте на кафедре истории России.

Научный руководитель: доктор исторических наук,
профессор **Солодкин Янкель
Гутманович**

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
профессор **Пундани Валерий
Владимирович**
кандидат исторических наук,
Клюева Вера Павловна

Ведущая организация: Тобольский государственный
педагогический институт

Защита состоится “___” _____ 2002 г. в ___ час. на заседании диссертационного совета Д. 212.274.04. по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Тюменском государственном университете по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Перекопская, 15а, ауд. 215.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Тюменского государственного университета.

Автореферат разослан “___” _____ 2002 г.

*Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук,
доцент*

В.П. Петрова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. В последнее время оживился интерес ученых к изучению административной истории, судьбам местной власти в Сибири.

Авторы имеющихся работ, посвященных становлению воеводской формы управления в Зауралье на рубеже XVI -XVII вв., лишь попутно касаются функций первых местных администраторов.

Присоединение “Сибирского царства” к России в конце XVI века приобрело большое значение для ее цивилизационного развития. Заметно расширилось геополитическое пространство страны. В ее состав вошли земли с иноязычным населением, и особой религиозной, культурной, социально-политической структурой. Внутренние процессы, обусловившие централизацию власти, привели к необходимости поиска новых форм управления, в частности, административного.

Впервые воеводская форма управления складывается в Поволжье после присоединения к России Казанского края¹. Сходные условия вхождения в состав Московского государства обусловили дальнейшее развитие данной формы управления в Зауралье, а также на “крымской Украине” европейской России.

Актуальность изучения становления воеводской системы управления в Сибири обусловлена прежде всего необходимостью выяснения причин и условий развития там воеводской власти, ее последующей эволюции. На наш взгляд, без рассмотрения первоначального этапа оформления местной системы управления трудно судить о специфике тех или иных явлений в дальнейшем ее развитии.

Степень изученности темы. В историографии проблема становления воеводской системы управления рассматривалась мимоходом, в контексте процесса колонизации сибирских земель.

Г. Ф. Миллером изучался процесс освоения сибирских территорий русскими людьми. Исследователь привлек богатый источниковый материал, но специфика деятельности первых городских воевод выдающимся сибиреведом рассматривалась попутно².

И. А. Андриевский в обобщающем очерке “О наместниках, воеводах и губернаторах. Рассуждения” не останавливается на этапе становления воеводской власти, а рассматривает ее историю за XVII век в целом и применительно к России вообще³.

Более широко эта тема, хотя еще не став даже отдельным аспектом исследования, освещена в трудах П. Н. Буцинского. В его книге о заселении Сибири и статьях цикла “К истории Сибири” раскрывается история русских городов Зауралья первых десятилетий их существования. Ученый привлек богатый фактографический материал для исследования проблемы

¹ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI –XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982.

² Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937-1941. Т. 1-2.

³ Андриевский И. А. О наместниках, воеводах и губернаторах. Рассуждения. СПб., 1864. С. 53-106.

присоединения Сибири к России. В этой связи ученый затронул проблему становления воеводской власти в Сибири. Но в основном им бегло очерчены полномочия воевод, участвовавших в строительстве острогов и городов, хотя порой упоминается и об их административно - хозяйственных функциях, в основном при организации солеварения и заведении пашни. Несмотря на ценность материалов, имеющих в его трудах, П. Н. Буцинский не ставил перед собой цели изучить процесс становления административной власти в Сибири⁴.

Справочно-биографические сведения о первых сибирских администраторах приведены в работах К. Б. Газенвинкеля. Исследователь подробно остановился на деятельности сибирских воевод из корпорации князей Ростовских и Ярославских⁵.

Ценные сведения о составе сибирской администрации в начальный период становления воеводского аппарата управления, предписаниях первым сибирским воеводам, изложение содержания первых сибирских наказов содержатся в составленном Н. Н. Оглоблиным “Обозрении столбцов и книг Сибирского приказа” за 1592-1768 гг.⁶

В советской историографии отсутствуют работы, которые позволили бы разносторонне судить о функциях первых сибирских администраторов. Исследователи, как правило, уделяли внимание какому-то отдельному аспекту их деятельности, причем опять-таки вскользь.

В книге С. В. Огородникова “Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI - XVII вв.” наиболее целенаправленно рассматривается ясачная политика правительства в Сибири. Порядок сбора, размер и формы ясака исследователь находит важными для выяснения взаимоотношений между московской администрацией и коренным населением Зауралья, в том числе в интересующий нас период, когда происходило складывание воеводской власти, но С. В. Огородников не преследует специальной цели выделить при этом особенности деятельности воевод⁷.

С. В. Бахрушин в “Очерках по истории колонизации Сибири в XVI - XVII вв.” попутно касается полномочий первых воевод зауральских городов и их роли в реализации политики Москвы. В статье “Воеводы Тобольского разряда” С. В. Бахрушин пишет о принципах назначения на воеводские должности, но рассматривает более поздний, “послесмутный” период, лишь упоминая о первых тобольских администраторах, которые принадлежали к знати (С. Ф. Сабуров, Ф. И. Шереметев)⁸.

⁴ Буцинский П. Н. Соч. Тюмень, 1999. Т. 1-2.

⁵ Газенвинкель К. Б. Систематический перечень воевод, дьяков, письменных голов и подьячих с приписью в сибирских городах и главнейших острогах с их основания до начала XVII века. К истории Сибири XVII в. Тобольск, 1892; Он же. Материалы для справочно-биографического словаря сибирских деятелей. Князь Ростовского дома. Тобольск, 1895. С. 1-8, и др.

⁶ Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592-1768гг.) / Сост. Н.Н. Оглоблин М.,1900. Ч. 3. 212,214; М.,1901. Ч.4. С. 30,33,124-127,133-137.

⁷ Огородников С. В. Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI - XVII вв. Иркутск, 1920. С. 69-113.

⁸ Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1

Ясачную политику и взаимоотношения русских торговцев с местным населением Сибири с конца XVI в. позднее рассматрел П. Н. Павлов. Ясачный режим, сложившийся на рубеже XVI-XVII столетий, автор называет “хищническим” и находит, что его можно было изменить, отказавшись от прямого вымогательства, откровенных обчетов и “поминков” со стороны сибирской власти. Но анализ ясачной политики был выполнен П. Н. Павловым на материалах XVII в., деятельность первых сибирских администраторов исследователь не затронул⁹.

В. И. Сергеев, исследуя правительственную политику в Сибири “накануне и в период основания первых русских городов”, выделил такой важный аспект, как процесс утверждения государственной власти за Уралом в конце XVI - начале XVII вв. Хотя В. И. Сергеев конкретно не останавливается на военных и градостроительных функциях сибирских воевод, он рисует достаточно широкую картину борьбы русских с Кучумом, считая, что в то время военно-функциональный принцип организации власти был основным¹⁰.

А. А. Преображенский на основе ранних русских дипломатических документов конца XVI - начала XVII вв. определяет, что одним из приоритетных направлений в русской политике этого времени в Зауралье стал сбор ясака. Деятельность первых городских воевод при этом опять-таки не анализируется¹¹.

В одной из глав обобщающей “Истории Сибири” более подробно, чем остальные стороны деятельности первых воевод, рассматриваются их военные функции в процессе колонизации новых территорий и закрепления на них, в частности, говорится о формировании воеводами отрядов служилых людей, руководстве войсками, принятии предупредительных мер относительно нападений неприятеля¹².

В монографии В. А. Александрова и Н. Н. Покровского “Власть и общество: Сибирь в XVII в.” выполнен анализ воеводского управления, но применительно к XVII веку. В. А. Александров, касаясь также колонизации Сибири в XVII - начале XVIII веков, пишет о роли воевод и голов при основании Мангазейского острога¹³.

Проблема развития пашенного земледелия, попутно рассмотренная в работах Г. Ф. Миллера, П. Н. Буцинского, С. В. Бахрушина, более подробно раскрыта В. И. Шунковым в исследованиях, посвященных колонизации Зауралья в конце XVI - начале XVII вв. Но о роли в этом процессе

⁹ Павлов П. Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск, 1974. С. 5-17.

¹⁰ Сергеев В. И. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 3 (21). С. 113-124; Он же. Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых сибирских городов // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 174-179.

¹¹ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI - начале XVIII века. М., 1972. С. 44-55.

¹² История Сибири. Л., 1968. Т. 2. С. 25-35.

¹³ Александров В. А. Русское население Сибири XVII - начала XVIII вв. (Енисейский край). М., 1964; Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991.

администраторов снова говорится мимоходом¹⁴. К проблеме аграрного освоения сибирских земель обращается Н. А. Балюк, исследуя развитие земледельческого хозяйства на территории Тобольского уезда в конце XVI - XIX вв.; но автор не рассматривает роль и место в этом процессе сибирской администрации в интересующий нас период¹⁵.

В. И. Корецкий, проанализировавший правительственную политику относительно заведений в Сибири "государевой пашни", специально на роли воевод как проводников этой политики также не останавливается.

Выясняя основные источники пополнения контингента рядовых земледельцев, В. И. Корецкий рассматривает причины ссылки и распределение ссылных на пашню в сибирские города, а также трудности, с которыми пришлось столкнуться переселенцам при заведении пашни¹⁶.

Н. И. Никитин остановился на социально-экономическом аспекте освоения Сибири, включая интересующий нас период. Исследуя развитие торговли, ремесла, солеварения, заведения пашни, ученый акцентирует внимание на социальном составе русских служилых людей, но не касается полномочий первых сибирских администраторов¹⁷.

Проблема реализации этими администраторами военных и градостроительных функций попутно, в русле процесса колонизации Западной Сибири, рассматривалась вслед за С. В. Бахрушиным Р. М. Кабо в книге "Города Западной Сибири".¹⁸

В трудах Д. Я. Резуна обозначены хронология возникновения первых городов и острогов Сибири, в основном по данным сибирских летописей¹⁹.

К исследованию истории возникновения первых сибирских городов обращались и Д. И. Копылов, В. И. Кочедамов²⁰, З. Я. Бояршинова²¹, Е. Н. Евсеев²², М. П. Черная²³, но без акцента на деятельность местных администраторов.

Группа екатеринбургских историков недавно выпустила серию работ о Югорске, Сургуте, Коде и Югре. В соответствующих разделах этих книг, написанных А. Т. Шашковым и Е. М. Главацкой, попутно рассматриваются некоторые аспекты занимающей нас темы, в частности, роль воевод в колонизации Западной Сибири, их военные и судебные функции, но

¹⁴ Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII - начале XVIII веков. Л., 1946. С. 97-137; Он же. Очерки по истории земледелия Сибири (XVIIв.). М., 1956.

¹⁵ Балюк Н. А. Тобольская деревня в конце XVI- XIX вв. Тобольск, 1997.

¹⁶ Корецкий В. И. Из истории заселения Сибири накануне и во время "Смуты" (конец XVI - начало XVII вв.) // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма). М., 1973. С. 37-59.

¹⁷ Никитин Н. И. Сибирская эпопея XVII века: Начало освоения Сибири русскими людьми. М., 1987; Он же. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск, 1988.

¹⁸ Кабо Р. М. Города Западной Сибири. Очерки историко-экономической географии. М., 1949. С. 17-49.

¹⁹ Резун Д. Я. К истории "поставления" городов и острогов в Сибири // Сибирские города XVII - начала XX века. Новосибирск, 1981. С. 35-57, и др.

²⁰ Копылов Д. И., Прибыльский Ю. П. Тобольск. Свердловск, 1975; Копылов Д. И. Тюмень. Свердловск, 1986; Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М., 1978.

²¹ Бояршинова З. Я. Основание русского города на Томи (к 375-летию г. Томска) // Томску - 375 лет. Сб. статей. Томск, 1979. С. 11-20, и др.

²² Евсеев Е. Н. Тара в свои первые два столетия // Сибирские города ... С. 78-109.

²³ Черная М. П. Нарымский острог // Земля парабельская: Сб. научно-популярных очерков к 400-летию Нарыма. Томск, 1996. С. 94-115.

зачастую только в форме изложения отдельных фактов, даже не на иллюстративном уровне²⁴.

Я. Г. Солодкиным изучаются мотивы назначения “начальных людей” в Сибирь, определяется их сословный статус, а также влияние зауральской службы на их последующую карьеру в начальный период русской колонизации Сибири²⁵.

В 1980 - 1990-х гг. появились работы екатеринбургского историка Е. В. Вершинина, который рассмотрел генезис сибирской воеводской системы, а ее историю проследил почти исключительно на материалах XVII в., учитывая и образование, и судьбы воеводского аппарата. Но в его монографии, изданной в 1998 г., ставится и вопрос о необходимости изучения раннего этапа существования воеводского управления в Зауралье. По мнению Е. В. Вершинина, “первые десятилетия присоединения Западной Сибири к Русскому государству в конце XVI в. оказались синхронны становлению воеводского управления в общероссийском масштабе”, и, несмотря на особенности воеводской администрации за Уралом, “она не явилась каким-то особым, колониальным аппаратом власти, имела те же принципы и основные функции, что и в Европейской России”.

Ценной частью книги Е. В. Вершинина является справочник о сибирских воеводах и головах, где содержатся данные и о первых администраторах, хотя с некоторыми лакунами и неточностями. На основании этих данных можно определить социальный статус сибирских “начальных людей” интересующего нас времени²⁶.

Сведения биографического характера о первых воеводах Тобольска, а также основателях Тюмени, Пелыма, Березова и Сургута содержатся в недавно изданной книге Н. Л. Конькова “Тобольские воеводы конца XVI - начала XVIII веков”. Автор, в частности, пишет о роли первых тобольских воевод в организации солеварения²⁷.

А. П. Павлов в книге “Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605гг.)”, останавливается и на проблемах зарождения воеводского управления, но весьма бегло и применительно к России вообще²⁸.

Несколько лет назад появилась кандидатская диссертация О. Ю. Шаходановой “Центральные и местные органы управления Западной Сибирью в конце XVI - начале XVIII вв.”, где рассмотрены принципы и специфика взаимоотношений центральных и местных органов власти в весьма широком хронологическом диапазоне. Исследовательницу интересует

²⁴ Древний город на Оби. История Сургута. Екатеринбург, 1994; Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995; Югорск от легенды до точки на карте. Екатеринбург, 1997; Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000.

²⁵ Солодкин Я. Г. Первые воеводы и головы Сургутского уезда // Западная Сибирь: история и современность. Екатеринбург 1999. С. 5-11; Он же. О становлении воеводской системы управления Сибири // Тез. докл. и сообщ. IV региональной музейной научно-практической конференции, посвященной 30-летию г. Нижневартовска. Нижневартовск, 2001. С. 67-71 и др.

²⁶ Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998.

²⁷ Коньков Н. Л. Тобольские воеводы конца XVI - начала XVIII веков. Б.м., 2001. С. 51-52, 68-69.

²⁸ Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605 гг.). СПб., 1992. С. 239-250.

и период становления воеводской власти в Сибири, но не специально, а для определения исходных рубежей формирования местной власти. При этом внимание на функциональной деятельности сибирской администрации в это время не акцентируется²⁹.

Складывание воеводской власти в Казанском крае, а также функциональные обязанности первых тамошних администраторов были монографически исследованы И. П. Ермолаевым³⁰. В трудах В.Н. Глазьева определяется специфика функционирования воеводской системы управления начального периода на южных рубежах Русского государства³¹. Эти работы дают наиболее полное представление об основных принципах воеводского управления в Среднем Поволжье и на полевой окраине России во второй половине XVI в., что позволяет определить типологические особенности развития воеводского аппарата и в Сибири.

Таким образом, при наличии работ, посвященных персональному составу и структуре сибирской администрации конца XVI – начала XVII вв., нет исследований, посвященных функционированию и специфике деятельности сибирской администрации на начальном этапе освоения Зауралья.

Цель и задачи исследования. Исходя из научной значимости, целью диссертационного исследования является изучение функций и специфики деятельности первых сибирских администраторов.

В связи с этим предполагается решение следующих исследовательских задач:

- изучение военной компетенции первых сибирских воевод и голов;
- анализ их роли в строительстве городов и острогов;
- определение форм управления воевод служилыми людьми;
- рассмотрение основных методов и средств реализации воеводами ясачной политики правительства;
- раскрытие финансовой деятельности первых сибирских администраторов;
- исследование реализации первыми сибирскими администраторами хозяйственных задач;
- выяснение административно-судебной юрисдикции воевод и принципов их взаимоотношений с московскими приказами.
- анализ принципов взаимоотношений между разрядными и уездными воеводами.

Объектом исследования является процесс становления воеводской системы управления в Сибири в конце XVI - начале XVII вв.

²⁹ Шаходанова О. Ю. Центральное и местное управление в Сибири в конце XVI - начале XVIII веков. //Россия и мировые исторические процессы. Материалы межвузовской научной конференции. Бийск, 1999. С. 105; Она же. Центральные и местные органы управления Западной Сибирью в конце XVI - начале XVIII века: Дис. канд. ист. наук. Тюмень, 2000.

³⁰ Ермолаев И. П. Среднее Поволжье во второй половине XVI - XVII вв. ...

³¹ Глазьев В.Н. Структура власти в городах-крепостях на "Поле" в конце XVIв. //Исторические записки. Воронеж, 1997. Вып.2., и др.

Предметом исследования служит функциональная деятельность первых сибирских администраторов в процессе освоения новых территорий, определение порядка складывания основных элементов воеводского аппарата управления, его взаимодействия с центральными органами власти.

Территориальные рамки исследования соответствуют границам возникших в результате военных экспедиций конца XVI - начала XVII вв. первых сибирских уездов, центрами которых являлись Тюмень, Тобольск, Пелым, Березов, Сургут, Тара, Верхотурье, Туринск, Мангазея, Томск.

Хронологические рамки исследования - конец XVI - начало XVII вв. Нижней временной границей является 1585 г. - закладка Обского городка - первой русской крепости в Зауралье. С этого времени начинают формироваться основные принципы деятельности воеводской власти в Сибири, правительство начинает определять стратегию освоения сибирских земель. Верхней хронологической гранью выступает 1604 г. (основание Томска); с этого времени освоение сибирских просторов приостанавливается из-за начала в России "Смуты" на целых 14 лет³². К этому моменту первый этап формирования местной власти за Уралом завершился. В сибирских городах появились воеводские избы, обозначилась их компетенция. Военные и градостроительные функции воевод, которые были актуальны в период борьбы с Кучумом, постепенно начинают уступать административно-хозяйственным.

Источниковая база исследования. Для исследования темы были привлечены документальные и нарративные источники. Из документальных источников мы обращались к архивным и опубликованным материалам.

Архивные материалы, использованные в диссертации, были извлечены из фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и архива Санкт-Петербургского Института истории РАН (Архив Спб. ИИ. РАН).

Нужно отметить, что специальных источниковедческих работ в контексте изучения становления воеводской власти в Сибири нет.

Документальные источники можно разделить на несколько групп в соответствии с их значимостью и спецификой содержания.

Важным источником для изучения данной проблемы являются **наказы** первым воеводам и головам. Наказы намечают ведущие принципы политики царского правительства в Сибири, формулируют основные задачи, решение которых возлагались на сибирских воевод и голов, прежде всего строительство городов и острогов, обеспечение их охраны, приведение к ясачной зависимости инородцев, обеспечение сбора ясака. Наказы сибирским воеводам состоят из двух частей.

В первой части содержатся типичные предписания воеводам относительно строительства города, острога, осуществления военных экспедиций, определяются механизмы реализации правительственной политики.

³² См.: Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С.466; Резун Д. Я., и др. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII - XXвв: общее и особенное. Новосибирск 2001. С.12- 13.

Вторую часть наказа составляют памяти, касающиеся разных вопросов, которые возникали в процессе освоения новых территорий. К примеру, в наказе 1599г. содержатся многочисленные памяти относительно решения имущественных споров, воровства и грабежа служилых людей, контроля за использованием подвод и других дел. Этот наказ тобольским воеводам С. Ф. Сабурову и А. Ф. Третьякову, дьяку Т. А. Витовтову представляет особый интерес, так как свидетельствует о становлении Тобольска как столичного города Сибири, дает возможность проанализировать компетенцию первых разрядных воевод. Наказ С.Ф. Сабурову извлечен из РГАДА. К этому документу ранее обращались только Н. Н. Оглоблин (касаясь “дела” ссыльных дворян Быкасовых) и Е. В. Вершинин, в основном анализируя церемонию произнесения воеводами “жалованного слова”. Многочисленные памяти содержащиеся в наказе специального внимания историков не привлекали³³.

Кроме этого, к числу наиболее важных из таких документов относятся пелымский наказ, составленный в конце 1592 г. или начале 1593 г. и адресованный П. И. Горчакову, составленные в 1594 г. указы основателям Сургута (Ф. П. Борятинскому и В. В. Аничкову) и Тары (А. В. Елецкому, Б. Доможирову и Г. Елизарову)³⁴.

Указы конца XVI в. сходны по своей структуре и содержанию, они являются своего рода типичной инструкцией. Основные принципы реализации политики Москвы, предлагаемые в указах, однотипны. Содержание указов более позднего периода становится разнообразнее, в них уже отразились новые условия и формы политики правительства, что связано с закреплением русских на завоеванных территориях.

Другим, не менее важным, источником являются **царские грамоты**, которые свидетельствует о механизме реализации правительственной политики и функциональных обязанностях воевод. Например, в грамоте 1597 г. воеводе В. П. Головину и голове И. В. Воейкову содержатся предписания относительно строительства Верхотурья³⁵. В грамоте 1600 г. березовский воевода И. Г. Волынский удостоился похвалы за перестройку и благоустройство города³⁶. Оригинальными являются грамоты, извлеченные из архива Спб. ИИ. РАН. Это грамоты верхотурскому воеводе Н. Плещееву (1603 г.), где сообщается об отправке в Тобольск ссыльных, обвиняемых в “ересном деле”³⁷, и запрашиваются сведения о числе проживающих в ясачных юртах людей, о числе юртов и волостей, отошедших от Верхотурья к Туринскому острогу, и количестве собираемого ясака³⁸.

³³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 76-203.

³⁴ Миллер Г. Ф. Описание... Кн. 1. С. 203-207; Русская историческая библиотека (далее- РИБ). Спб., 1875. Т. 2. Стб. 101-118; Сторожев В. Материалы для истории русского дворянства. М., 1908. Вып. 2. Прилож. С. 3-7; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 76-203.

³⁵ РИБ. Т. 2. Стб. 56-57.

³⁶ Там же. Стб. 157-158.

³⁷ Архив Спб. ИИ. Русская секция. Ф. 174. Оп. 2. Ед. хр. 101. Л. 1.

³⁸ Там же. Ед. хр. 102. Л. 1.

Уникальным является комплекс “верхотурских грамот”, опубликованный в 1982г. Е.Н. Ошаниной. В этих документах конца XVI - начала XVIIвв. находим ценные сведения о деятельности первых сибирских воевод, в частности, об их функциях - судебных, административных, социально - экономических³⁹. Несмотря на то, что эти документы опубликованы два десятилетия тому назад, исследователи обращались к ним изредка.

Таким образом, царские грамоты дают широкое представление о различных аспектах деятельности городских воевод и голов в первые годы русской колонизации Сибири.

Судить о степени реализации тех предписаний, которые излагались в наказах и царских грамотах, можно по отпискам воевод и голов, где подробно представлены обстоятельства, связанные с исполнением тех или иных распоряжений.

Отписки можно разделить на два вида: это отписки, которые воеводы и головы отправляли в Москву об исполнении тех или иных предписаний (к примеру, в 1598 г. тарский воевода А. Воейков сообщал о поражении Кучума и приведении к ясачной зависимости инородцев)⁴⁰, и отписки, которые администраторы отправляли друг другу, сообщая о текущих делах, заботясь, в частности, о предотвращении нападений со стороны инородцев (так, в 1603 г. тюменский голова А. Безобразов извещал туринского голову И. Лихарева о намерении царевича Алея “идти” на Тюмень,⁴¹ а тобольский воевода С. Ф. Сабуров писал назначенному в новоустроиваемый Епанчин (Туринский) острог голове Ф. О. Янову⁴² по вопросам устройства этого административного центра; эта отписка позволяет также судить о принципах взаимоотношений разрядных и уездных воевод).

Представление о деятельности сибирской администрации, а также о трудностях, с которыми столкнулись местные жители, злоупотреблениях воевод, дают **челобитные**, отправляемые в Казанский приказ служилыми людьми и поселенцами. Например, к 1599 г. относится челобитная ясачных вогуличей о предоставлении им льгот в уплате ясака и при заведении пашни, а также о разрешении покупать топоры и ножи у торговых людей⁴³.

Боярские списки являются оперативно-учетными документами. В этих источниках, введенных в научный оборот С. П. Мордовиной и А. Л. Станиславским, фиксируется состав “государева двора”, изредка география несения службы представителями княжеских корпораций, московских и выборных дворян, жильцов, дьяков. Самым ранним из использованных нами боярских списков является список 1588-1589 гг., в котором фиксируются службы выборных дворян в Зауралье с указанием на их принадлежность к той или иной территориальной корпорации. С этим боярским списком сходен

³⁹ Верхотурские грамоты конца XVI - начала XVIIвв. М., 1982. Вып. 1-2.

⁴⁰ Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией имп. Академии наук. СПб., 1841. Т. 2. С. 3-5.

⁴¹ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 151.

⁴² Архив СПб. ИИ. Русская секция. Ф. 174. Оп. 2. Ед. хр. 642. Л. 1-4.

⁴³ РИБ. Т. 2. Стб. 144-147.

список дворян, намеченных к участию в шведском походе 1589-1590 гг. Следующие дошедшие до нас боярские списки (1598-1599 гг. и 1602-1603 гг.) позволяют судить о росте численности выборных дворян, служивших за Уралом⁴⁴.

Помета “в Сибирь” в боярских списках указывает на определение дворян на службу, но при этом нет уверенности в том, что назначение состоялось. В некоторых случаях названы лица, о соответствующей службе которых в других источниках не упоминается, поэтому можно только предполагать, в каком качестве и каком городе они служили.

Другим важным источником для изучения первых лет истории воеводского управления в Сибири могут служить **разрядные книги**.

В них содержатся сведения об основании городов в Сибири, отправке воевод на сибирские службы. Данные, указанные в “разрядах”, не всегда отличаются полнотой, но, рассматривая сведения о назначении воевод на службу в за Урал, можно выяснить периодичность этих назначений, а также время образования первых русских городов в Западной Сибири. Иногда в разрядных книгах содержатся записи о военных экспедициях, строительстве городов и острогов (к примеру, уникальны сведения разрядной книги редакции 1636 г. о сооружении Кетского острога). Наиболее полные сведения по интересующим нас вопросам содержатся в разрядной книге редакции 1605 г. из Эрмитажного собрания, а так же в Пушкинской разрядной книге, находящейся в РГАДА⁴⁵.

К нарративным источникам относятся сибирские летописи: Есиповская летопись, Строгановская летопись, Книга записная, Погодинский летописец, Новый летописец.

Есиповская летопись была составлена в 1636 г. дьяком Тобольского архиепископского дома Саввой Есиповым на основании ряда источников, среди которых исследователи называют синодик “ермаковым казакам”, более раннюю краткую летопись, татарские летописцы, рассказы очевидцев. В летописи содержатся сведения о походе Ермака и последующих военных экспедициях первых сибирских воевод.⁴⁶

Строгановская летопись, составленная во второй четверти XVII в., содержит те же сведения об освоении сибирских земель, но при этом подчеркиваются заслуги Строгановых в освоении Сибири⁴⁷.

Погодинский летописец, по мнению большинства исследователей, представляет собой переработку Есиповской летописи, дополненную по недошедшим до нас источникам. (Впрочем, Е. К. Ромодановская и А. Т. Шашков предположили, что Погодинский летописец предшествовал

⁴⁴ Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч.1.

⁴⁵ Разрядная книга 1475-1605 гг. / Под ред. В. И. Буганова. М., 1987. Т. 3. Ч. 2.; М., 1989. Т. 3. Ч. 3.; М., 1994. Т. 4. Ч. 1; Разрядная книга 1559-1605 гг. М., 1974; Разрядные книги 1598-1638 гг. М., 1974.; Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966.; РГАДА. Ф. 181. Ед. хр. 118. Л. 252-253 об.

⁴⁶ Полное собрание русских летописей. (далее- ПСРЛ). М., 1987. Т. 36. С. 42-73.

⁴⁷ Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 39-45.

Есиповской летописи). В летописи содержатся сведения об экспедициях воеводы И. А. Мансурова и головы Д. Д. Чулкова, об основании Тюмени⁴⁸.

Книга записная, составленная в 1687 г. и затем редактировавшаяся до середины XVIII в., содержит сведения и по истории Сибири рассматриваемого времени, в частности, известия о строительстве первых сибирских городов и острогов, монастырей и церквей, в том числе о роли в этом процессе первых сибирских воевод⁴⁹.

Из общерусских летописей в диссертации использовались две редакции **Нового летописца**. В первой редакции (1630г.), в частности, сказано о ссылке угличан в Сибирь, а во второй редакции (около 1682г.) упоминается об участии дворян И. Онучина и И. Самоедова в строительстве Тобольска (последнее сообщение уникально)⁵⁰.

Таким образом, налицо очевидные источниковые возможности для исследования темы диссертации.

Методологические основы исследования. Основным принципом исследования стал принцип историзма, позволяющий оценивать исторические факты и явления в движении и взаимосвязи. Важным методологическим принципом стала научная объективность, дающая возможность рассматривать события в их реальном развитии.

В процессе исследования были использованы системный, ретроспективный, сравнительно-исторический методы. Сравнительно-исторический метод позволил провести аналогии в становлении и функционировании воеводской системы управления в Сибири, Казанском крае, на юге России. Системный метод дал возможность рассмотреть воеводскую власть в Сибири как единую определенную целостность, находящуюся в динамике и развитии, позволил очертить различные стороны деятельности первых сибирских администраторов, определяя принципы взаимоотношений с центральными органами власти и внутри самой местной системы управления. Ретроспективный метод позволил, привлекая архивные материалы и исследования по истории воеводского управления в Сибири в XVIIв., реконструировать историческую картину предшествующего периода, когда происходило становление системы местного управления, и ее специфику.

Научная новизна диссертации заключается в том, что проблематика темы впервые становится предметом комплексного исследования. Привлечение широкого круга источников, в том числе вводимых в научный оборот, позволило определить основные функциональные обязанности городских воевод, принципы и методы реализации правительственной политики в военной, ясачной, финансовой, административно-судебной, хозяйственной сферах, а также определить роль воевод и голов в ходе колонизации Сибири, выявить типологические особенности становления

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 36. С. 129-137.

⁴⁹ Там же С. 138-140.

⁵⁰ Новый летописец, составленный в царствование Михаила Феодоровича, издан по списку Князя Оболенского. М., 1853. С.23; ПСРЛ. М., 1965. Т. 14. С. 42,44.

воеводской власти на материалах Сибири, , а также Поволжья и Поля, определить принципы и своеобразие взаимоотношений местных органов власти Сибири с центральными.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее материалы могут способствовать изучению вопросов истории и специфики становления местной власти в Сибири, а также выявлению закономерностей процесса освоения Сибири русскими людьми на его начальном этапе. Результаты исследования могут быть использованы при написании обобщающих трудов по истории Сибири, истории государства и права России, а также при разработке общих и специальных курсов по истории государственного управления в России, истории Западной Сибири, истории местного управления в Сибири.

Апробация полученных результатов. Основные положения и результаты исследования были представлены на региональных научных конференциях молодых ученых в 2000 и 2001 гг. в Сургуте, состоявшейся в Нижневартовске региональной музейной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Ханты-Мансийского автономного округа (2000 г.), научно-практической конференции, посвященной 30-летию города Нижневартовска в 2001 г., а также на краеведческих чтениях 2000 и 2001 гг. в г. Нижневартовске и в научных публикациях.

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и исследований.

Во **введении** раскрывается актуальность темы, формулируются цели и задачи работы, обосновываются территориальные и хронологические рамки исследования, анализируется степень изученности темы, характеризуется методологическая база исследования и источниковая основа диссертации.

В первой главе рассмотрена структура сибирской администрации на рубеже XVI – XVII вв. и административно-судебные функции первых сибирских воевод.

Вначале, после первых удачных военных экспедиций, управление только что основанными сибирскими городами было поручено Посольскому приказу и четям дьяков А. Щелкалова и И. Вахромеева, а в 1599 г. передано приказу Казанского и Мещерского дворца. Приказ Казанского дворца осуществлял административное, финансовое и судебное управление, а также ведал и военно-организационными (разрядными) вопросами, натуральными сборами с инородцев, контролировал составление ясачных книг.

Для более эффективного управления сибирской окраиной в конце XVI в. выделяется специальный центр - Тобольский разряд.

Разрядный воевода не только ведал военной и дипломатической деятельностью. Судя по актовому материалу, правительство создавало разряд как координирующий и контролирующий центр всех сибирских уездов. В компетенцию разрядных воевод входила координация не только

военных действий на территории этих уездов, но и контроль за административно-хозяйственной деятельностью местных администраторов.

Становление Тобольска как главного сибирского города начинается с 1599 г., когда туда были направлены воеводы С. Ф. Сабуров и А. Ф. Третьяков, дьяк Т. А. Витовтов и головы Д. И. Черемисинов, В. Р. Алферьев и М. М. Шаховской.

После основания Тобольского разряда Казанский приказ получил возможность более четкого контроля за деятельностью сибирских администраторов. Но при этом за уездными воеводами сохранилась возможность напрямую, посредством отписок, сообщать о всех делах в центр.

В свою очередь, правительство контролировало деятельность уездных воевод, направляя непосредственно им грамоты. На наш взгляд, уездные воеводы сохраняли значительную самостоятельность, несмотря на создание Тобольского разряда, ввиду географической отдаленности сибирских городов и отсутствия налаженных путей сообщения, а также в силу необходимости оперативных решений по вопросам, связанным и с сохранявшейся опасностью нападений инородцев на русские города.

Правительство преследовало цели, с одной стороны, как можно больше централизовать и укрепить воеводскую власть в Сибири, а с другой стороны, пресечь возможные злоупотребления путем взаимного контроля.

Для управления уездом на колонизируемых территориях зачастую назначались два администратора: воевода и голова, которого часто именуют письменным.

Первые указы, в которых содержались предписания относительно строительства острога и города, сбора ясака, устройства пашни, были адресованы сразу воеводе и голове.

На воевод возлагались военные функции, но голова также принимал активное участие в строительстве острога и города, в его хозяйственной жизни. Нередко письменный голова становился основателем острога, который впоследствии превращался в город.

Голова мог осуществлять обязанности воеводы в том случае, если последний временно отсутствовал.

Воеводами и головами в Сибирь назначались, за редкими исключениями, представители княжеской аристократии, московского и выборного дворянства, что вызывало нередко местнические тяжбы между воеводой и головой. Но четкого разграничения функциональных обязанностей первых сибирских воевод и голов в военной сфере не существовало, что было связано с процессом оформления новой системы управления.

В конце XVI - начале XVII вв. в Западной Сибири еще не сформировались судебные инстанции. Фактически в этот период в Сибири действовал воеводский суд, в компетенцию которого входило решение гражданских и уголовных дел.

Судебные полномочия администраторов в наказах четко не определены, и только по другим источникам (царским грамотам, отпискам) можно представить картину воеводского суда.

Воеводы при принятии решения руководствовались непосредственно судебным прецедентом, как правило, ссылаясь на общерусские нормы права. Сложнее было рассматривать дела относительно споров между инородцами и русским населением, тем более, если речь шла об уголовных преступлениях; в этом случае судебная компетенция воевод ограничивалась при вынесении решения Казанским приказом, особенно если преступления были совершены инородцами против русских.

В основном воевода рассматривал судебные дела, руководствуясь инструкциями из центра. Сначала подавались челобитные в Казанский приказ, где контролировался ход дела. Отсюда следует, что и русские переселенцы, и инородцы больше доверяли центральной власти, нежели воеводскому суду.

Что касается дел, которые непосредственно относились к юрисдикции церковного суда (это преступления против церкви, еретичество, кража церковного имущества, брачно-семейные отношения), то из источников не совсем ясно, были переданы функции церковного суда воеводе или все-таки судебные дела, входящие в юрисдикцию церкви, рассматривали десятильники, специально присылаемые из Вологды - центра епархии, где до 1621г. ведалась Сибирь.

На первых сибирских воевод возлагалось полное обеспечение судопроизводства, начиная с вызова истца и ответчика в суд и заканчивая вынесением приговора, который во многом зависел от воли администраторов.

Ссылка как мера наказания стала одним из способов колонизации Сибири. В связи с этим на первых сибирских администраторов возлагался широкий круг обязанностей по приему, отправке, содержанию осужденных и надзору за ними.

В первые годы колонизации Сибири ссылка не приобрела больших масштабов, но с воцарением Бориса Годунова поток ссыльных за Урал увеличился. Обязанность по принятию и дальнейшей отправке ссыльных легла на верхотурских воевод. Фактически Верхотурье стало пересыльным пунктом, откуда осужденные отправлялись дальше в Сибирь или же назад в Москву.

Нехватка людей в сибирских городах в глазах правительства должна была компенсироваться ссыльными, которых воеводы привлекали для устройства пашни, работы на соляных промыслах, строительства судов.

Во второй главе рассматриваются военные и градостроительные функции сибирских администраторов конца XVI – первых лет XVII вв.

Назначая воевод и голов в Сибирь в конце XVI века, московское правительство ставило перед ними много задач, первоочередной из которых было “управление военными делами”⁵¹.

После гибели Ермака и смерти князя С. Д. Болховского в 1585 г. из Москвы в Сибирь прибыл отряд воеводы И. А. Мансурова. Воевода приказал поставить крепость на Оби напротив Иртышского устья. Эта крепость, получившая название Обский городок, стала форпостом в борьбе с Кучумом.

Весной 1586 г. правительство отправляет за Урал во главе большого отряда воевод В. Б. Сукина и И. Н. Мясного, которые на месте старого татарского городка построили крепость, впоследствии ставшую городом Тюменью.

Поскольку Тюмень - “это первая опора русского владычества в Сибири, базис, опираясь на который, русские начали вторично, после смерти Ермака, завоевывать Сибирское царство”⁵² местные воеводы поначалу находились в более тяжелых условиях, чем к примеру, последующие, управлявшие Пелымом, Березовым и другими городами Зауралья.

Строить Тобольск в 1587г. был отправлен из Москвы письменный голова Д. Д. Чулков. Выбрав место на берегу Иртыша, Д. Д. Чулков со служилыми людьми “с великим поспешением” начали возводить новый город. Голове удалось покончить с Сейдяком: хитростью заманив в Тобольск хана, он взял его в плен и отправил в Москву.

При воеводе В. В. Кольцове-Мосальском Тобольск вышел из ведения тюменских воевод, а десятилетие спустя становится военно-административным центром всей Сибири, что сопровождалось быстрым ростом его населения.

Строительство двух основных военных форпостов - Тобольска и Тюмени - создало возможность дальнейшего распространения русского владычества на восток.

Теперь первоочередной задачей, которая возлагалась на первых сибирских администраторов, было налаживание транспортных путей.

В связи с этим в 1589 г. принимается решение об основании Лозвинского городка. На лозвинских воевод возлагались помимо типично военных функций еще и обязанности по строительству судоверфи. Воевода должен был контролировать поступление и дальнейшее следование грузов.

В 1591 г. борьба Кучума с русскими служилыми людьми возобновилась. Было принято решение об отправке еще одной экспедиции (возглавлять которую должны были П. И. Горчаков и Н. В. Траханиотов) с целью разгрома пелымского князя Аблегирима и строительства новых городов.

Основание города на территории Пелымского княжества было поручено П. И. Горчакову, который и стал здесь первым воеводой. При строительстве

⁵¹ Андриевский И. А. О наместниках... С.53.

⁵² Буцинский П. Н. Соч. Т.1. С.85.

Пелыма во всех вопросах строительства и обороны города помощь воеводе оказывал голова.

В первую очередь был заложен острог, чтобы там могло укрыться войско, если бы пришлось сражаться с Пегой Ордой. Затем воевода с головой должны были "спешно" приступить к строительству города, который следовало возводить наспех, "лес на город ронити легкой, чтобы вскоре город сделать". Наряду со строительством города П. И. Горчакову предписывалось построить церковь и позаботиться об обеспечении храма церковной утварью. Поскольку Пелым возводился как форпост в борьбе Кучумом, воеводе необходимо было организовать оборону города.

Так как многие крепости возводились наспех и поэтому быстро ветшали, последующие воеводы должны были заботиться о ремонте и содержании городов и острогов.

Н. В. Траханиотов, оказав помощь князю П. И. Горчакову в строительстве и укреплении города "на Тоборах", должен был следовать на "Березов остров", где выстроить город.

Другой важной задачей, которая была возложена на воевод в пелымской экспедиции, стала борьба с союзником хана Кучума князем Аблегиримом. В царском наказе предписывалось "извовать и угрозить" князя только в случае, если Аблегирим откажется "идти под руку государеву; тех же, кто оказывал сопротивление и "ясаку давать не похотели", предписывалось казнить, а из "князьков, лутчих людей" бунтовщиков прислать "к ... Москве...". Эти цели были выполнены, но борьба с Кучумом продолжалась. 19 февраля 1594 г. воеводам Ф. П. Борятинскому и письменному голове В. В. Аничкову предписывалось заложить город во владениях остяцкого князя Бардака, чтобы уже оттуда вести борьбу с Кучумом. Сургут строился по той же схеме, что и Пелым.

Сургутским воеводам приходилось в дальнейшем вести ожесточенную борьбу с Кучумом и его сторонниками.

По мере распространения русского владычества возникала необходимость строительства новых укреплений.

В 1594 г. для основания Тары отправляются воевода князь А. В. Елецкой и письменные головы Б. Доможиров и Г. Елизаров. Тарские воеводы предприняли экспедиции, которые фактически завершили борьбу русских с Кучумом. И хотя тому снова удалось избежать плена, он уже не представлял столь большой опасности, как раньше. Следует отметить, что тарские воеводы не всегда должны были следовать предписаниям наказов, многое зависело от способности воеводы на месте разобраться в ситуации.

В 1598 году после разгрома союзника хана Кучума князя Вони был заложен Нарымский острог, а затем, после подавления бунта нарымских остяков, основан Кетский острог.

По мере освоения русскими новых сибирских просторов возникала необходимость постройки новой дороги, которая бы значительно сократила путь между "Русью" и Сибирью. Такая дорога была найдена посадским человеком А. С. Бабиновым. Вскоре после ее открытия в 1597 г. воевода В.

П. Головин и голова И.В. Воейков были посланы из Москвы в Сибирь для постройки города на месте прежнего городища Неромкура, находившегося “от реки Туры по берегу”, - Верхотурья.

С основанием Верхотурья отпала необходимость в Лозьвинском городке, и в 1598 г. было решено разрушить его. Пелымскому воеводе П. М. Шаховскому следовало перевезти с Лозьвы строительные материалы и употребить их на “постройку” Пелыма, а стрельцов с Лозьвы велели “отослать ...на Верхотурье для городского дела...”.

Первым верхотурским воеводам, также как и другим сибирским администраторам, предстояло возводить стены острога и города, заботиться об их содержании.

В компетенцию верхотурских администраторов входила отправка и доставка грузов в Москву и сибирские города, тогда как военные функции, актуальные в этот период для остальных сибирских администраторов, не являлись определяющими для верхотурских воевод.

Необходимость устройства ямской гоньбы стала причиной строительства нового острога на реке Туре, который был заложен в 1600г. головой Ф.О. Яновым. Первоочередной задачей Ф. О. Янова являлось возведение острога, так как опасность нападения со стороны ногайцев еще сохранялась.

Далее русская власть стала распространяться на север - в Обдорию или Мангазею. Несмотря на то, что Мангазея была основана фактически после разгрома Пегой Орды, военные функции поначалу являлись для ее администраторов первостепенными, так как предстояла борьба с инородцами, не признававшими власть Московского государства, в частности, отказывавшимися платить ясак.

Многие представители инородческой знати после окончательного разгрома Кучума Оби в 1598 г., с одной стороны, стали понимать бесперспективность дальнейшего сопротивления русским, а с другой стороны, увидели в России силу, способную защитить их от разорительных набегов южных кочевников. В 1603 г. князец еуштинцев Тоян приехал в Москву, где подал челобитную царю Борису, прося принять томских татар под покровительство России

Можно думать, что основатели Томска выполняли те же функции при закладке города, что и другие сибирские воеводы и головы. Но их деятельность уже не была сопряжена с такой опасностью, как у воевод и голов первых сибирских городов. Ведь князь Тоян добровольно передал ясачные волости под власть Москвы.

Функции первых воевод в процессе строительства городов Северо-Западной Сибири являются типичными, поскольку города строились почти одновременно и в сходных военно-политических условиях.

К компетенции первых сибирских воевод относилась организация службы казаков, стрельцов, литвы, черкас, пушкарей, распределение поручений между ними, контроль за исполнением службы. В данном случае деятельность сибирских администраторов на рубеже XVI - XVII вв.

аналогична обязанностям, которые исполняли казанские воеводы во второй половине XVI в., что связано было с примерно одинаковыми условиями присоединения к России Казанского края и Сибири.

Первые воеводы выступали прежде всего как военачальники, призванные осуществлять борьбу с инородцами, участвовать в подавлении сопротивления коренного населения.

Военные функции сибирских воевод и голов являлись одними из основных в период становления административной власти в Сибири, так же, как и в среднем Поволжье во второй половине XVI в., когда приходилось создавать систему местного управления в Казанском крае, или на южных границах страны в конце того же столетия.

В третьей главе раскрывается социально – экономическая деятельность первых сибирских администраторов.

Строительство первых городов и острогов было обусловлено не только военной необходимостью, но и ясачной. Эти укрепления являлись своего рода опорными пунктами по сбору ясака.

Поначалу московское правительство не имело четко определенных принципов ясачной политики, но основная задача состояла в достижении не сиюминутной прибыли, а долгосрочной выгоды, что позволило бы постоянно пополнять казну за счет ясачных сборов. Реализовывать ясачную политику должны были первые сибирские администраторы.

Методы подчинения инородцев были различны. С одной стороны, русские власти пытались привести аборигенов к покорности с помощью посулов, обещая знати сохранить ее льготы и привилегии.

С другой стороны, в Москве понимали, что Кучума и его “лучших людей” не так просто будет склонить к переходу на свою сторону, и поэтому в царских наказах воеводам предписывалось пленить “лучших людей” Кучума и наложить ясак на его прежних подданных.

В наказах воеводам и головам одним из главных предписаний было размежевание ясачных владений. Но не всегда можно четко проследить географические контуры вновь образующихся ясачных волостей, так как при появлении нового города их границы менялись. Отсутствие четкого разграничения ясачных волостей очень часто приводило к столкновениям между воеводами. Московское правительство предписывало администраторам брать ясак только с подведомственных им территорий.

С одной стороны, практически во всех сибирских наказах содержалось предписание воеводам действовать так, чтобы “государеву делу было прибыльнее”. Тем самым воевода мог оправдать жестокость в отношении к инородцам. С другой стороны, в Москве понимали, что злоупотребления

воевод могли привести к восстаниям инородцев и отказу последних платить ясак. Поэтому наряду с данными предписаниями указывалось во всем местное население “льготить” и собирать ясак, с “кого сколько можно”.

Первым воеводам и головам было достаточно сложно проводить объяснение местного населения, особенно в период активной борьбы с Кучумом. Им постоянно приходилось бороться за ясачных людей, так как те, которые соглашались платить ясак в царскую казну, могли переметнуться к Кучуму, и администраторам следовало вновь возвращать их в ясачную зависимость.

В первые годы активного строительства новых городов и складывания ясачных волостей сбор ясака поручался, как правило, головам.

Московское правительство понимало, что достаточно широкие полномочия воевод и отсутствие должного контроля неизбежно будут приводить к злоупотреблениям со стороны сибирской администрации и центральные власти пытались их предупредить.

Одним из способов пресечь такие злоупотребления стало привлечение инородцев к контролю над ясачными сборами.

Для того, чтобы упорядочить систему ясачных сборов, воеводе предписывалось производить перепись всех ясачных людей, подлежащих обложению или освобожденных от него.

Деятельность сибирских воевод и голов по сбору ясака определялась распоряжениями, которые содержатся во многих царских грамотах. В грамоте туринскому голове Ф. К. Фофанову (1601г.), на наш взгляд, выражена сущность этой политики: “... воеводам и головам велено беречи того накрепко, чтоб сибирские земли ясачным людям насильства и убытков и продажи ни от кого не было и ясаков бы лишних с них не имати, и вновь за посмех не прибавлять, и во всем им велено льготить”. Данные предписания не всегда выполнялись сибирскими администраторами, хотя московское правительство пыталось строго очерчивать рамки ясачной деятельности воевод и голов.

Помимо сбора и учета ясака, на воеводский аппарат возлагались обязанности по финансовому учету, выплате жалования служилым людям, решению текущих финансовых вопросов.

Оценивая финансовую деятельность воевод и голов, можно отметить, что они придерживались уже известного нам принципа - чтоб "государеву делу было прибыльнее".

Немаловажным аспектом финансовой деятельности воевод и голов является развитие торговли и промышленности в первых сибирских городах.

На сибирских администраторов возлагались задачи по организации торговли, взимания торговых пошлин, охраны торговых людей. Воеводы были лишь проводниками политики центра, который ставил перед ними

задачу как можно больше увеличить поступления в казну, а уже потом содействовать частной торговле. Безусловно, нередкими были злоупотребления со стороны администрации, но, на наш взгляд, они не могли нанести значительного ущерба сибирской торговле.

В ходе освоения русскими людьми территории Западной Сибири перед местными администраторами встала проблема обеспечения населения продовольствием, в первую очередь хлебом.

Методы правительственной политики относительно заведения пашни и их реализация сибирскими воеводами практически едины на всей колонизируемой территории.

Как правило, воеводам и головам после основания города предписывалось определить наиболее пригодные для пашни места. Затем на воеводу возлагались задачи распределения пашенных земель и сенокосов, обеспечения пашенных крестьян лошадьми и инвентарем. Для того, чтобы в какой-то мере облегчить участь земледельцев в суровом крае, воеводы должны были своевременно реагировать на жалобы крестьян и по мере возможности помогать “пашенным людям”, хотя главной целью властей являлось увеличение запашки, причем любыми способами, и не всегда тяжелое положение крестьян принималось во внимание в столичных приказах и местными администраторами.

Одной из непростых задач, решение которой возлагалось на сибирских воевод, являлось обеспечение подведомственных им уездов пашенными людьми.

Функции сибирских воевод по заведению пашни, с одной стороны, можно считать типичными (входившими в компетенцию администраторов и в Центральной России), а с другой стороны, реализовать их было несравненно сложнее, что связано было с суровым климатом, с сохранявшейся военной опасностью со стороны инородцев, нехваткой людей и инвентаря, порой недостаточно эффективной поземельной политикой правительства.

Наряду с пашенным земледелием обозначилась еще одна важная проблема - обеспечения населения солью как предметом первой необходимости. Поэтому московское правительство ставит перед сибирской администрацией задачу организовать добычу соли.

Сибирским администраторам приходилось выполнять непростые задачи, связанные с организацией и контролем солеварения. Воеводы и головы несли личную ответственность за количество вываренной соли, так как в Москве эту сторону их деятельности признавали одной из наиболее важных. Сибирским воеводам и головам приходилось решать проблемы с поставками железа, нехваткой людей, считаться с постоянной опасностью со стороны инородцев, которые пытались разорить “варни”.

Одним из важных аспектов развития Зауралья стало строительство дорог, которые бы позволили наладить экономические связи между сибирскими городами. Развитие путей сообщения также входило в компетенцию первых местных администраторов. К кругу задач воевод и голов относилось строительство новой "бабиновской дороги", которая бы "связала" сибирские города. При этом возник ряд проблем, которые тоже должны были решать воеводы: это ремонт и расчистка пути, устройство ямской гоньбы, контроль за использованием подвод, предупреждение злоупотреблений, наказание виновных в них ямщиков.

Социально-экономическая деятельность первых сибирских администраторов была достаточно многообразной. Воеводам и головам приходилось порой выполнять функции целого административного аппарата, так как освоение сибирских просторов в конце XVI – начале XVII века только начиналось. Отсюда возникали проблемы, связанные с организацией и развитием финансовой и хозяйственной инфраструктуры края, решение которых возлагалось на сибирскую администрацию.

В заключении изложены основные выводы по теме исследования.

Складывание воеводской формы управления в Сибири (конец XVI - начало XVII вв.) происходит в процессе ее вхождения в состав Российского государства.

Задачи подчинения "иностранцев" и хозяйственного освоения обширного края предопределили функциональные особенности деятельности первых сибирских администраторов. Полномочия "начальных людей" при основании городов и острогов практически не разграничивались.

В первые русской годы колонизации Зауралья, когда активно велась борьба с Кучумом, военные функции воевод и голов были основными. Города и остроги им приходилось строить наспех в условиях постоянной военной опасности. Наряду с первоочередными функциями "начальным людям" приходилось выполнять еще ряд административно-хозяйственных обязанностей. В условиях постоянной нехватки людей администраторы решали задачи строительства городов и острогов.

Сибирским воеводам и головам удалось осуществить сложную задачу подчинения сибирских земель и организации ее экономической инфраструктуры. Тогда, в конце XVI - начале XVII вв. (за 18 лет), было основано 12 поселений, то есть один город в 1,5 года. Этот емкий колониционный отрезок был прерван "смутой", когда до 1618 г. не было построено ни одного города.

Выявленные нами функциональные обязанности сибирских воевод, как можно думать при сопоставлении их полномочий с функциями администраторов европейской России, являлись сходными, но вместе с тем обладали спецификой, которая видоизменялась. Дальнейшее изучение этапа становления сибирской административной власти, насколько можно

надеяться, углубит понимание истоков и первоначального периода существования воеводского управления в России в целом.

Список публикаций по теме исследования

1. Симачкова Н. Н. Боярские списки конца XVII – начала XVIII в. как источник по истории Сибири // Тезисы II межвузовской конференции молодых ученых и студентов – историков “Россия: история и современность”. Сургут, 2000. 0,2 п.л.
2. Симачкова Н. Н. О функциях первых пелымских воевод // Тезисы докладов и сообщений III региональной музейной научно – практической конференции, посвященной 70-летию Ханты-Мансийского автономного округа. Нижневартовск, 2000. 0,2 п.л.
3. Симачкова Н. Н. К историографии становления воеводского управления в Сибири. // Тезисы III межвузовской конференции молодых ученых “Россия история и современность”. Сургут, 2001. 0,2 п.л.
4. Симачкова Н. Н. Об административно-хозяйственных функциях первых сибирских воевод (на материалах верхотурских грамот) // Материалы IV-х краеведческих чтений “Мира не узнаешь, не зная края своего”. Нижневартовск, 2000. 0,2 п. л.
5. Симачкова Н. Н. О “ясачных” функциях первых администраторов Сибири // Тезисы докладов и сообщений IV региональной музейной научно-практической конференции, посвященной 30-летию города Нижневартовска. Нижневартовск, 2001. 0,2 п.л.
6. Симачкова Н. Н. “Наказ основателям Сургута” как исторический источник // Материалы V-х краеведческих чтений “Мира не узнаешь, не зная края своего”. Нижневартовск, 2001. 0,2 п.л.
7. Симачкова Н. Н. Верхотурская администрация и ранняя сибирская ссылка // Социально- экономические и правовые проблемы нефтегазового региона. Нижневартовск, 2001. 0,2 п.л.
8. Симачкова Н. Н. О военных функциях первых сибирских воевод в конце XVI- начале XVII в.в. // Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. Тюмень, 2001. Вып.4. 0,8 п.л.
9. Симачкова Н. Н. О “ясачных” функциях первых сибирских администраторов // Россия и страны Запада: проблемы истории и филологии. Нижневартовск, 2002. 0,7 п.л.

10. Симачкова Н. Н. Воеводская власть и земледельческое хозяйство в конце XVI – начале XVII вв. // Сборник работ аспирантов и соискателей. Нижневарттовск, 2002. 0,5п.л.

Соискатель

Н. Н. Симачкова